

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия



На правах рукописи

Муравьев Кирилл Владимирович

**ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
КАК ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

12.00.09 — Уголовный процесс

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук*

Омск 2017

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный консультант:

Булатов Борис Борисович, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Азаров Владимир Александрович, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет»

Цоколова Ольга Игоревна, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель начальника федерального государственного казенного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Ведущая организация:

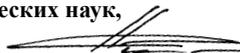
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»

Защита состоится 20 апреля 2018 г. в 14³⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 203.010.01, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (<http://www.omamvd.ru/diss/>).

Автореферат разослан «__» декабря 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук,
доцент



Николаев Константин Дмитриевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Правильное применение положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) является важнейшей составляющей законности, выступает гарантией прав участников, вовлеченных в уголовный процесс.

Вместе с тем ежегодно значительное число приговоров и иных судебных решений отменяется и изменяется по основанию неправильного применения уголовного закона (п. 3 ст. 389¹⁵, ч. 1 ст. 389¹⁸ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК)) или существенного нарушения уголовного закона, повлиявшего на исход дела (ч. 1 ст. 401¹⁵, ч. 1 ст. 412⁹ УПК). Например, в 2014–2016 гг. в порядке апелляционного производства отменено или изменено по основанию неправильного применения уголовного закона 13 265, 12 958, 14 743 решения соответственно, что составляет 51,6%; 52,8%; 54,7% от всех итоговых решений судов первой инстанции, признанных неправосудными¹. Ошибочная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности влечет неправильное и (или) несправедливое назначение наказания, необоснованное применение или неприменение иных уголовно-правовых институтов (амнистии, условно-досрочного освобождения, сроков давности), т. е. означает вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в государстве, императивом которого является верховенство права².

Не может осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона и предшествующая приговору процессуальная деятельность. На протяжении досудебного и судебного производства выносятся значительное число актов, в которых осуществляется правовая оценка содеянного на основании предварительно установленных фактических обстоятельств. Предположительная квалификация в ходе процессуальной деятельности влечет значимые последствия. Она выступает в качестве условия для диф-

¹ Здесь и далее данные судебной статистики получены на официальном сайте Судебного департамента Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 4.06.2017).

² *По делу* о проверке конституционности положений части 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П (п. 3.2) // Рос. газета. 2013. 12 июля.

ференциации формы уголовного производства, установления полномочий должностных лиц по ведению дела, применению мер процессуального принуждения. От нее зависит полнота обеспечения прав преследуемых лиц на квалифицированную юридическую помощь, на рассмотрение уголовного дела в суде и в составе, которые определены законом, и др. Согласие заинтересованных участников уголовного процесса с юридической оценкой содеянного является условием для использования ускоренных процедур.

В ситуации, когда гипотетическая квалификация на протяжении всего уголовного производства определяет возможность использования различных процессуальных институтов, особую актуальность приобретает задача обеспечения правильного применения норм УК. Компетентные должностные лица перманентно обязаны следить за тем, чтобы юридическая оценка содеянного, отраженная в процессуальных актах, соответствовала установленным фактическим обстоятельствам. Последствием изменения квалификации в сторону менее тяжкого преступления может явиться возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения³. Однако ее «занижение» ведет к ограничению детерминируемых правовой оценкой деяния прав участников процесса, а в отдельных случаях создает условия для незаконного освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении более тяжкого преступления.

Развитие процессуальной формы без должного учета значимости правильного применения норм УК в ходе уголовного процесса привело к глубоким кризисным явлениям в практической деятельности. Так, зависимость порядка производства от тяжести предполагаемого преступления, чрезмерная дифференциация процесса по предметному признаку требуют от правоприменителей смещения доказывания на этап, который предшествует первоначальной уголовно-правовой оценке деяния в постановлении о возбуждении дела. Уголовный процесс перестает соответствовать критериям своевременности и наступательности, затрудняется доступ граждан к правосудию.

Разбалансированность уголовно-процессуальной формы проявляется в порядке уведомления преследуемых лиц о применении норм уголовного закона. С одной стороны, имеющиеся законодательные конструкции не способны в каждом случае своевременно обеспечить изобличаемым лицам должные процессуальные гарантии. С другой, УПК содержит процедуры, предназначенные для корректировки квалификации содеянного в соответствии с вновь установленными фактическими обстоятельствами, такие, как

³ *О практике применения судами норм главы 18 УПК, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве* : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 (п. 4) // Рос. газета. 2011. 5 дек.

изменение и дополнение обвинения, возвращение уголовного дела прокурору. Они требуют существенных затрат, а потому не являются рациональными.

Руководствуясь интересами экономичности и целесообразности, законодатель предпринимает попытки оптимизации уголовно-процессуальной формы для случаев, когда лица, в отношении которых применяются нормы УК, высказывают согласие с обвинением, правовой оценкой деяния в постановлении о возбуждении уголовного дела. Ускоренные производства расширяются нормативно и в сфере правоприменения. Однако снижение уровня гарантий участников процесса, искажение сущности дифференцированных сокращенных форм в практической деятельности заставляет усомниться в правосудности значительного числа решений, выносимых судами в особом порядке.

Требует дальнейшей корректировки механизм взаимоотношений государственного обвинения и суда, при котором существенно ограничивается право органа судебной власти давать правильную юридическую оценку установленным фактическим обстоятельствам независимо от мнения сторон.

Высокая вероятность назначения наказания в отношении лиц, которые обоснованно подозреваются, обвиняются в совершении преступления, позволяет уполномоченным органам в ходе уголовного процесса применять меры пресечения и иные принудительные меры, которые по характеру ограничений практически не отличаются от средств уголовно-правового воздействия, исполняемых по результатам производства. Законодательная регламентация оснований, условий и порядка их применения характеризуется неполнотой и противоречивостью. Существенной является проблема продолжительных сроков содержания обвиняемых и подозреваемых под стражей. Основу принятия решения о продлении соответствующих сроков в большинстве случаев составляют материалы, на основании которых предъявлено обвинение. При вынесении данных решений не принимаются во внимание объективные данные о личности обвиняемых⁴. Как итог, ежегодно из-под стражи освобождается значительное число оправданных по приговору суда и лиц, в отношении которых дела прекращены (в 2014, 2015, 2016 гг. — 18 781, 19 565, 17 486 лиц соответственно).

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год (параграф «Права человека в уголовном судопроизводстве») // Рос. газета. 2015. 7 мая ; Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год (параграф 2.2 «Резонансные дела») // Рос. газета. 2016. 24 марта ; Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год (параграф 4.1 «Защита прав человека в уголовном судопроизводстве») // Рос. газета. 2017. 17 мая.

Уголовно-правовые последствия, которые возникают в результате применения мер процессуального принуждения, нельзя назвать справедливыми. Так, сроки домашнего ареста, в том числе без полной изоляции от общества в жилом помещении, исчисляются по правилам содержания под стражей (ч. 2¹ ст. 107 УПК) и засчитываются в сроки наказания (лишения свободы) из расчета один день за один день (ч. 3 ст. 72 УК). Претерпевание же запретов и обязательств изобличаемыми лицами в рамках исполнения других мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера никак не учитывается.

Исходя из обозначенных проблем, автор направил усилия на разработку теоретической концепции, призванной оптимизировать процессуальную форму применения уголовного закона. Потребность в этом приобретает особое значение в настоящее время, когда эффективная уголовная политика государства предполагает одновременное проведение реформ как в уголовно-правовом, так и в уголовно-процессуальном ее направлениях⁵.

Степень разработанности темы исследования. Проблема применения правовых норм рассматривалась на общетеоретическом уровне в трудах С. С. Алексеева, В. М. Горшенева, В. В. Лазарева, В. Н. Карташова, П. Е. Недбайло и других ученых. Соответственно вопросы применения норм уголовного закона, в том числе квалификации преступлений, привлечения к уголовной ответственности, индивидуализации уголовно-правового воздействия, являлись предметом исследований представителей науки уголовного права З. А. Астемирова, В. Г. Беляева, Е. В. Благова, М. В. Бавсуна, Я. М. Брайнина, В. В. Векленко, Ю. С. Жарикова, Н. А. Лопашенко, В. Н. Кудрявцева, А. М. Марцева, А. В. Наумова, А. А. Нечепуренко, Л. И. Спиридонова, Т. А. Сулейманова, А. П. Фильченко и др.

В уголовно-процессуальной науке имеются работы, в том числе монографического уровня, связанные с процессуальными аспектами применения уголовного закона при производстве по делу. Это, в частности, относится к исследованиям, посвященным вопросам соотношения уголовного права и процесса (Я. И. Баршев, Е. Г. Васильева, В. Г. Даев, Я. О. Мотовиловкер, Н. Н. Полянский, А. Д. Прошляков, В. К. Случевский, М. С. Строгович и др.), уголовной (уголовно-процессуальной) политики (В. А. Азаров, А. И. Александров, Б. Я. Гаврилов, Л. В. Головкин, О. А. Зайцев, А. В. Смирнов, И. Г. Смирнова, Н. Г. Стойко, А. А. Тарасов, О. З. Челохсаев, В. С. Шадрин и др.). Проводились исследования, сопряженные с необходимостью учета

⁵ Матвиенко В. К реформированию уголовно-правовой политики надо подходить крайне аккуратно, системно и последовательно. URL: <http://www.council.gov.ru/press-center/news/36909> (дата обращения: 12.03.2015).

материально-правовых норм при осуществлении доказывания (А. В. Боярская, З. З. Зинатуллин, В. В. Константинов, С. В. Лукашевич, С. Б. Россинский и др.), определении порядка уголовного преследования и установлении пределов производства по делу (Е. А. Бравилова, Е. И. Жидкова, В. В. Кальницкий, В. М. Савицкий, Ф. Н. Фаткуллин, М. А. Хохряков и др.), использовании в уголовном процессе диспозитивных начал и дискреционных полномочий должностных лиц (О. И. Андреева, А. С. Александров, Н. Н. Апостолова, И. С. Дикарев, П. Г. Марфицин и др.), применении мер процессуального принуждения (Б. Б. Булатов, С. И. Вершинина, И. М. Гуткин, А. С. Дежнев, З. Ф. Коврига, Н. А. Колоколов, Ф. М. Кудин, А. В. Михайлов, И. Л. Петрухин, О. В. Химичева, О. И. Цоколова и др.). В работах ученых (А. М. Баранов, В. Н. Григорьев, А. П. Гуляев, Ю. В. Деришев, О. В. Качалова, В. В. Николук, В. Т. Томин, Т. В. Трубникова, Ю. К. Якимович и др.) предпринимались попытки системно-структурной оптимизации уголовного судопроизводства при учете уголовно-правовых условий.

Отдавая должное значимости проведенных исследований, отметим, что проблема оптимизации уголовного процесса как формы применения уголовного закона на монографическом уровне не разрабатывалась.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования является система уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых компетентные должностные лица и государственные органы при участии иных субъектов устанавливают фактические обстоятельства происшедшего, принимают решения и выносят акты, отражающие юридическую оценку деяния и (или) индивидуализирующие уголовно-правовое воздействие, уведомляют заинтересованных лиц о результатах этой деятельности.

Предмет исследования образуют: нормы российского и зарубежного законодательства, регулирующие правоотношения, связанные с юридической оценкой деяния и индивидуализацией уголовно-правового воздействия в ходе уголовного производства; относящиеся к этим вопросам решения Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; содержащиеся в научных трудах воззрения ученых по концептуальным вопросам применения права, а также отражающие уголовно-процессуальные аспекты применения уголовного закона; правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования — разработать научную концепцию и сформировать на ее основе модель эффективной и рациональной процессуальной формы применения норм УК.

Достижение указанной цели обусловило необходимость постановки и решения следующих задач:

— на основе анализа нормативных и доктринальных положений, правоприменительной практики выявить закономерности взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса;

— выработать критерии, позволяющие определить систему актов применения уголовного закона;

— выявить место мер процессуального принуждения в системе уголовно-правовых последствий;

— проанализировать объективно существующие систему этапов применения уголовного закона и структуру их образования в качестве основы для перспективной модели построения уголовного процесса;

— предложить критерии и сформулировать понятие оптимизации уголовного процесса как формы применения уголовного закона;

— определить программу для внедрения модели оптимальной процессуальной формы применения уголовного закона;

— предложить критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности, для чего скорректировать формулу назначения, сформулировать цели и задачи уголовного судопроизводства для их закрепления в УПК;

— подвергнуть анализу нормативную основу способа применения материального закона в системе принципов уголовного процесса;

— дать оценку полномочиям должностных лиц, ведущих уголовный процесс, по применению норм УК и рекомендовать их оптимальную корректировку;

— адаптировать к положениям УК перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу;

— проанализировать нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных средств и гарантий обеспечения законного, обоснованного и справедливого применения уголовного закона в ходе процессуальной деятельности;

— обосновать положения, призванные оптимизировать технологию обеспечения правильного применения диспозиций (и гипотез) уголовно-правовых норм в ходе уголовного производства;

— аргументировать предложения по оптимизации системы, условий и порядка применения мер процессуального принуждения, обеспечивающих применение наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Методология и методика исследования. В качестве методологической основы исследования выступает системный подход, принципы объективности и историзма. Используются всеобщий диалектический метод, а также общенаучные и частнонаучные методы познания объективной действи-

тельности, среди которых — структурно-функциональный, сравнительно-исторический, социологический (в том числе, анкетирование и интервьюирование), сравнительно-правовой, формально-логические методы (анализ, синтез, аналогия, конкретизация, моделирование), а также статистический метод при анализе состояния качества досудебного и судебного уголовного производства. Руководящим началом стало соблюдение взаимосвязи общего, особенного и единичного, исторического и логического, абстрактного и конкретного.

Теоретическую основу диссертации составляют связанные с разрабатываемой проблемой труды по общей теории права, конституционному, уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному праву, криминалистике и оперативно-розыскной деятельности, а также другим отраслям знаний. В работе широко использованы монографические и диссертационные исследования, научно-практические комментарии и научные статьи по вопросам, относящимся к теме диссертации.

Эмпирическая база исследования. Достоверность, научная обоснованность и аргументированность выводов, сделанных по результатам диссертационного исследования, обусловлены репрезентативностью полученных эмпирических данных, сбор которых проводился с 2006 по 2017 гг. в республиках Крым, Мордовия, Хакасия; Алтайском, Красноярском, Пермском краях; Кемеровской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Орловской, Свердловской, Томской, Тюменской, Иркутской, Челябинской областях; г. Москве; Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах; Еврейской автономной области. Автором опрошено 77 судей, 118 сотрудников прокуратуры, 132 должностных лица органов предварительного следствия (руководители следственных подразделений и следователи органов внутренних дел и Следственного комитета РФ), 281 сотрудник органов дознания (начальники органов дознания и подразделений дознания, дознаватели органов внутренних дел), а также 55 адвокатов. Изучены 570 уголовных дел и 290 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела; 350 приговоров, вынесенных судами первой инстанции. В работе использованы статистические данные, отражаемые в отчетах: о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей, об основных результатах прокурорской деятельности; о состоянии преступности; результаты эмпирических исследований других авторов.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе проведенных системных изысканий обоснован ряд теоретических положений, совокупность которых может быть квалифицирована как научное достижение, а также решена научная проблема, имеющая важное политическое и социальное значение. Впервые на монографическом уровне в результате

анализа нормативных и доктринальных положений, правоприменительной практики выявлены закономерности взаимосвязи уголовного материального и процессуального права, в том числе взаимозависимость уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений; выработаны критерии, позволяющие определить систему актов применения уголовного закона; выявлено место мер процессуального принуждения в системе уголовно-правовых последствий; определена система этапов применения уголовного закона, исследована структура их образования, тем самым создана основа для перспективной модели построения уголовного процесса. Автором предложены критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности, скорректирована формула назначения уголовного судопроизводства, определены его цели и задачи для закрепления в УПК; проанализирована степень нормативной реализации способа применения материального закона в системе принципов уголовного процесса; дана оценка полномочиям должностных лиц, ведущих уголовный процесс, по применению норм УК, рекомендована их оптимальная корректировка. В работе приведены аргументы относительно адаптации к положениям УК перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу; проанализировано нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных средств и гарантий обеспечения законного, обоснованного и справедливого применения уголовного закона в ходе процессуальной деятельности; обоснованы положения, призванные оптимизировать технологию обеспечения правильного применения диспозиций (и гипотез) уголовно-правовых норм в ходе уголовного производства; аргументированы предложения по оптимизации системы, условий и порядка применения мер процессуального принуждения, обеспечивающих применение наказания и иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, соискателем разработана научная концепция, позволившая сформировать оптимальную модель применения норм УК в ходе осуществления уголовного производства.

Научную новизну исследования отражают **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Уголовный процесс как форма применения уголовного закона представляет собой деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц, связанную с вынесением актов, которыми:

а) удостоверяется соблюдение или правомерность использования уголовно-правовых норм;

б) устанавливается законность и целесообразность исполнения уголовно-правовых норм, а также справедливость уголовно-правового воздействия;

в) разрешаются правовые вопросы, возникающие в связи с реализацией уголовного закона.

2. Процессуальная форма обеспечивает принятие актов предварительного и итогового применения уголовного закона. Первые из них отражают промежуточные решения, результаты продолжающегося юридического процесса. Вторые констатируют состоявшуюся реализацию норм УК или выступают условием для этого. В актах применения уголовного закона оформляется вывод о конкретизации содержания уголовно-правовых отношений посредством: 1) установления сведений о лежащих в основе данных отношений юридических фактах и их субъектах; 2) индивидуализации их объектов.

3. Уголовный процесс как форма применения уголовного закона характеризуется системой и структурой.

Систему уголовного процесса (внешнее построение) составляют этапы, связанные с отражением решения о применении норм УК в процессуальных актах, объединяющихся в две подсистемы: 1) актов применения диспозиции (и гипотезы) уголовно-правовой нормы; 2) актов применения санкции нормы УК.

Структуру уголовного процесса на уровне каждого из этапов применения уголовного закона (внутренняя характеристика) образуют стадии: 1) установления предпосылок к принятию решения о применении уголовного закона, включающего исследование фактических обстоятельств и выбор уголовно-правовой нормы; 2) принятия решения о применении уголовного закона; 3) отражения решения о применении норм УК в процессуальном акте, с уведомлением о нем заинтересованных лиц.

4. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона — это осуществляемый государством при учете единства законодательства уголовно-правового блока и национальных традиций комплекс правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности и рациональности деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц по применению норм УК.

Построение модели эффективной и рациональной процессуальной формы применения норм УК должно включать: а) уточнение формулировок назначения, цели и задач уголовного процесса; б) адекватное отражение в УПК его принципов; в) изменение компетенции органов по применению уголовного закона; г) модернизацию процессуальной формы применения норм УК на уровне подсистем применения диспозиции и санкции уголовно-правовой нормы.

5. Для ликвидации «разрыва» между уголовным материальным и процессуальным законодательством, определения ориентиров для правоприменителей в выборе оптимальных средств, ведущих к необходимому результату, а для законодателя — предложения указанных средств целедостижения и

формирования эффективного механизма их действия следует скорректировать формулу социального назначения уголовного судопроизводства, а также закрепить его цели и задачи.

Назначением уголовного судопроизводства является: защита прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступлений, укрепление законности и правопорядка, предупреждение преступлений; охрана прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Целью уголовного судопроизводства является результат применения норм УК, при котором лица, совершившие запрещенные уголовным законом деяния, подвергнуты справедливому уголовно-правовому воздействию и ни один невиновный не осужден и (или) ограничен в правах и свободах.

Задачами уголовного судопроизводства выступают: всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств деяния, выбор уголовно-правовых норм, принятие решений, с отражением в материалах производства и уведомлением заинтересованных лиц.

6. В установленной законодателем системе принципов уголовного процесса не нашли отражения основополагающие начала, которые определяют способ применения уголовного закона. Главу 2 УПК целесообразно дополнить принципами публичности уголовного процесса и всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного применения уголовного закона. Необходимо корректирование нормативной основы принципа законности уголовно-процессуальной деятельности с учетом понимания ценности правильного применения норм УК.

7. Оптимизация уголовного процесса должна включать организационно-правовые мероприятия в виде: а) реорганизации органов предварительного расследования в органы дознания — для последовательного применения диспозиций (и гипотез) норм УК при надзоре и руководстве прокурора; б) изменения правил подследственности с распределением компетенции органов дознания по признакам родового объекта преступления; в) отнесения к юрисдикции суда применения мер процессуального принуждения, основанных на содержании санкций уголовно-правовых норм (за исключением кратковременного задержания, осуществляемого в неотложном порядке).

8. Подлежащие доказыванию обстоятельства, характеризующие состав преступления (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК), целесообразно изложить в редакции, соответствующей основанию уголовной ответственности (ст. 8 УК) и вектору конкретизации знаний об уголовном правоотношении. Это позволит сделать более определенными основания принятия про-

цессуальных решений, отражающих применение диспозиций уголовно-правовых норм.

9. Стадию возбуждения уголовного дела следует преобразовать в осуществляемое под надзором прокурора производство неотложных процессуальных (следственных и иных процессуальных) действий, с вынесением по его результатам акта о предварительной правовой оценке деяния.

10. Требуется унификация юридических оснований наделения процессуальным статусом субъекта, причастность к преступлению которого проверяется, посредством принятия решения о признании подозреваемым. Привлечение в качестве обвиняемого в ходе предварительного расследования необходимо ликвидировать. Утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, должно выдвигаться по итогам досудебного производства.

11. Следует закрепить право суда на изменение уголовно-правовой квалификации (в рамках деяния) при установлении в судебном заседании обстоятельств, свидетельствующих о необходимости применения уголовного закона о более тяжком преступлении, с уведомлением об этом подсудимого и с предоставлением ему достаточного времени для подготовки к последнему слову с учетом новой квалификации деяния.

12. Целесообразно скорректировать ускоренные процессуальные формы применения диспозиций норм УК, с тем чтобы:

а) по заявлениям потерпевших о преступлениях, относящихся к категории дел частного обвинения, которые не содержат подробного описания обстоятельств преступного деяния, сведений о лице, его совершившем, указания уголовно-правовой квалификации, а в случаях волеизъявления потерпевших и при соответствии заявлений данным требованиям, производилось дознание по правилам, установленным для дел частного-публичного обвинения;

б) на дознании, проводимом по делу небольшой или средней тяжести, при отсутствии спора между сторонами относительно описания обстоятельств преступного деяния и его уголовно-правовой оценки после завершения процессуальных действий, непроизводство которых может повлечь за собой невозможную утрату доказательств, составлялся обвинительный акт и уголовное дело направлялось в суд для его рассмотрения по существу;

в) по уголовным делам, рассматриваемым судьей единолично, при отсутствии спора между сторонами относительно изложения фактических обстоятельств преступного деяния, формулировки и формулы обвинения после допроса подсудимого и проведения любых иных действий судья мог принимать решение о применении диспозиции уголовно-правовых норм без дальнейшего непосредственного исследования доказательств.

13. Необходимо внедрение новой модели мер пресечения, включающей: основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, а также способы обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств; регламентацию процессуальных сроков применения ограничений и обязательств, определение справедливой формулы их зачета между собой и в сроки наказания.

14. В целях рационализации применения мер пресечения требуется изменение их нормативного регулирования с закреплением: а) в разделе IV УПК — видов ограничений, обязательств и способов обеспечения их исполнения; целей и общих условий применения; порядка взаимозачета их сроков; б) в разделах VIII, IX, XIV УПК, посвященных досудебному, судебному и уголовно-исполнительному производству, — оснований, частных условий, особенностей процессуального порядка избрания и сроков применения мер пресечения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Разработанные автором концептуальные положения об уголовном процессе как форме применения уголовного закона и о направлениях повышения его эффективности и рациональности позволили решить имеющую важное политическое и социальное значение крупную научную проблему, связанную с необходимостью оптимизации процессуальной формы применения норм УК. Соискателем обоснованы и сформулированы методологические и теоретические положения о взаимосвязи уголовного материального и процессуального права на уровне всей процессуальной деятельности и ее индивидуальных актов, а также правоотношений, на основе чего проанализировано системно-структурное построение уголовного процесса. Диссертантом сформулировано понятие, определены содержание, принципы и программа оптимизации уголовного процесса. Разработаны рекомендации, направленные на совершенствование назначения, целей, задач, принципов уголовного судопроизводства, полномочий должностных лиц, ведущих уголовный процесс, предмета доказывания, порядка рассмотрения сообщений о преступлениях, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, системы мер процессуального принуждения и условий их применения в основном и уголовно-исполнительном судопроизводстве. Авторская концепция обогащает и углубляет теорию уголовного процесса, выступает теоретико-методологической базой для дальнейших научных изысканий.

Выводы, предложения и рекомендации соискателя могут быть реализованы для повышения эффективности деятельности суда, прокуратуры и органов предварительного расследования в рамках действующего УПК, а также для совершенствования уголовно-процессуального законодатель-

ства и ведомственного нормативного правового регулирования. Основные положения диссертации могут использоваться в научно-исследовательской работе и учебном процессе юридических вузов, а также в системе повышения квалификации работников, практикующихся в уголовном судопроизводстве.

Апробация результатов исследования. Теоретические и прикладные положения диссертации были предметом обсуждения более чем на сорока международных, всероссийских, региональных, межвузовских конференциях, научно-практических семинарах и «круглых столах», проводившихся в 2006–2017 гг. в Барнауле, Ижевске, Иркутске, Калининграде, Красноярске, Курске, Москве, Нижнем Новгороде, Омске, Орле, Рязани, Симферополе, Томске, Тюмени, Хабаровске.

Основные теоретические выводы и положения исследования изложены в семидесяти публикациях общим объемом более 94 авторских листов, подготовленных соискателем лично или в соавторстве. Среди них — две монографии, семь учебных пособий, авторские главы в учебниках, а также восемнадцать статей в научных журналах, включенных в перечень российских рецензируемых журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс и научную деятельность ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», ФГКОУ ВО «Омская академия МВД России», ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД России», направлены в виде законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации. Методические рекомендации «Дознание в сокращенной форме» удостоены диплома на Всероссийском конкурсе научных работ профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России, посвященном Дню основания Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (г. Орел, 2016 г.), внедрены в практическую деятельность МВД по Республике Мордовия, ГУ МВД России по Кемеровской области, ГУ МВД России по Свердловской области, ГУ МВД России по Челябинской области, УМВД России по Томской области, УМВД России по Еврейской автономной области, УТ МВД России по Сибирскому федеральному округу.

Структура и объем диссертации предопределены целями и задачами исследования и отвечают требованиям ВАК при Минобрнауки России. Рукопись диссертации включает введение, четыре главы, объединяющие восемнадцать параграфов, заключение, список литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; отмечается степень ее разработанности; определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, его методология и методика; приводится характеристика эмпирической базы работы; аргументируются научная новизна, теоретическое и практическое значение исследования; формулируются положения, выносимые на защиту; излагаются сведения об апробации полученных результатов.

Глава первая «Теоретические представления о взаимосвязи уголовного материального и процессуального права» включает пять параграфов.

В *первом параграфе* «Уголовный процесс как форма применения уголовного закона» анализируются мнения юристов о соотношении уголовного права и процесса. Соискатель поддерживает подход авторов (Я. И. Баршев, Я. О. Мотовиловкер, И. Я. Фойницкий и др.), в соответствии с которым уголовный процесс — это вид деятельности, необходимый для применения, приведения к жизни материального уголовного закона. Он считает правильной позицию ученых (С. С. Алексеев, Е. В. Благов и др.) о разграничении категорий «применение» и «реализация» (права). Результатом применения уголовного закона может стать констатация состоявшейся реализации (соблюдение запретительных, использование управомочивающих) норм УК или необходимость дальнейшей их реализации в форме исполнения. Применение в рамках дополнительного (уголовно-исполнительного) производства предназначено для изменения или прекращения определенных или, чаще всего, уже осуществляемых обязанностей и прав в соответствии с санкциями уголовно-правовых норм. Данные производства необходимы и для разрешения вопросов, которые могут возникнуть в связи с констатацией соблюдения или использования уголовного закона.

По результатам формулируется понятие *уголовного процесса как формы применения уголовного закона* (положение 1, выносимое на защиту).

В рамках *второго параграфа* «Процессуальные акты применения уголовного закона» соискатель поддерживает позицию ученых (В. П. Божьев, В. Н. Кудрявцев и др.), которые отмечают, что применить уголовный закон не означает только решить вопрос о виновности лица в совершении преступления и назначить наказание; что орган предварительного расследования или суд применяют нормы УК всякий раз, когда им приходится обращаться к уголовному закону. Большинство респондентов (около 94% судей, 85% сотрудников прокуратуры и 82% должностных лиц органов предварительного следствия, 83% сотрудников органов дознания, 91% адвокатов) считают, что применение уголовного закона осуществляется при принятии

как итоговых процессуальных решений, так и актов досудебного и судебного производства, содержащих юридическую оценку деяния.

Автор дифференцирует процессуальные акты, которые выносятся на основе уголовно-правовых норм, на два вида: 1) предварительного применения уголовного закона (отражают промежуточные решения) и 2) итогового его применения (воспроизводят соответствующие решения; выступают условием для дальнейшей реализации норм УК в форме исполнения или констатируют состоявшуюся их реализацию в форме соблюдения или использования). В работе выделяются критерии, по которым индивидуальные акты отражают применение уголовного закона: а) нормативный, т. е. при закреплении материально-правовых условий для принятия процессуальных решений в бланкетной норме УПК, с отсылкой к уголовно-правовой норме или через использование общих формулировок уголовного закона; б) содержательный — при оформлении вывода о состоявшейся конкретизации уголовно-правовых отношений.

В *третьем параграфе* «Роль уголовного процесса в конкретизации уголовно-правовых отношений» анализируются воззрения ученых о феномене «правоотношение». Соискатель поддерживает позицию (А. А. Васильченко, Ю. Г. Ткаченко и др.), в соответствии с которой различают правоотношения — индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы-мерки для этого поведения (правоотношения — средства регулирования), и правоотношения — фактические отношения, урегулированные нормами права (правоотношения — результат регулирования). Превращение правоотношения — модели в фактическое правоотношение происходит при посредстве правоприменительного процесса.

Диссертант соглашается с учеными (З. А. Астемиров, В. Г. Даев и др.), которые не ограничивают предмет уголовно-правового регулирования охранительными отношениями и считают, что реализация уголовно-правовых норм (в том числе и в форме соблюдения или использования) всегда происходит в рамках правоотношений (общепредупредительных, регулятивных). Делается вывод, что уголовный процесс всегда складывается в связи с уголовно-правовыми отношениями и по их поводу, а одной из задач имеет установление характера данных отношений. В ходе уголовного производства требуется удостоверение лежащего в основе правоотношения юридического факта (уголовно-правового деяния) и конкретизации его элементов (субъектов, между которыми возникает и развивается отношение; объекта, по поводу которого оно складывается; содержания — взаимодействия субъектов через их права и обязанности).

Соискатель солидаризируется с позицией ученых (В. П. Божьев, А. А. Нечепуренко и др.) в том, что объектом уголовно-правового отноше-

ния являются правовые последствия события (деяния), которое послужило юридическим фактом возникновения правоотношения. Для их характеристики могут быть использованы категории «уголовно-правовое воздействие», обозначающая деятельность компетентных органов государства и применяемых им средств, либо «уголовная ответственность», показывающая субъективное восприятие лицом оказываемого на него государственного влияния.

Автор обращает внимание на значимость процессуальной деятельности в конкретизации уголовно-правовых отношений. Установление сведений о лежащем в основе уголовно-правового отношения юридическом факте и о его субъектах предполагает юридическую оценку содеянного (применение диспозиции уголовно-правовой нормы), а индивидуализация объекта правоотношения — выбор средств уголовно-правового воздействия (в пределах санкции нормы УК). Достигнутая конкретизация содержания уголовного правоотношения отражается в процессуальных актах досудебного и судебного производства.

В *параграфе четвертом* «Меры процессуального принуждения и применение уголовно-правовых норм» отмечается, что в исторический период, предшествующий нормативному делению материального и процессуального права, принудительные средства воздействия, применяемые в ходе уголовного производства, сосуществовали с наказанием в «единых» уголовных законах. Они фактически не разграничивались, почти отождествлялись. Но и после появления автономных отраслевых кодексов с предельной четкостью провести границу между материальным и процессуальным правом невозможно, такое деление носит условный, относительный характер: в разных системах измерений одна и та же норма права может выступать и материальной, и формальной (В. Н. Баландин, А. А. Павлушина). Поэтому, несмотря на то, что меры процессуального принуждения после размежевания отраслей получили самостоятельный статус в процедурном законе, они не смогли превратиться лишь в средства обеспечения производства.

Меры пресечения, а также отдельные иные меры процессуального принуждения должны, по мнению соискателя, рассматриваться в качестве особого средства государственного воздействия на лиц, обоснованно подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, в связи с высокой вероятностью назначения наказания этому лицу по приговору суда. Принятие принудительных мер в ходе уголовного процесса вплоть до лишения его свободы можно оправдать лишь тем, что существует право на наказание действительного виновника преступления, которое составляет предмет дела, и имеется достаточное основание предполагать, что обвиняемый и есть преступник. Со времени обнаружения преступления право на нака-

зание находится в динамическом состоянии, так как его сила отраженно сказывается в уголовном процессе на отношениях, которые обусловлены не только уголовно-процессуальной, но и уголовно-правовой нормой (Н. Н. Полянский, Ф. Н. Фаткуллин и др.).

Соискатель обращает внимание на подчиненность значительного числа мер процессуального принуждения решению задач, установленных ст. 2 УК, общей и специальной превенции преступлений. Отмечается схожесть возлагаемых на преследуемое лицо ограничений и воздействия, оказываемого при реализации наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Указывается, что данные ограничения исполняют одни и те же (уголовно-исполнительные) органы. Все это позволяет рассматривать применяемые к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения и отдельные иные принудительные меры (задержание, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, принудительное помещение в медицинскую организацию для производства стационарной судебной экспертизы) в качестве особых, не связанных с осуждением, средств уголовно-правового воздействия на лиц, обоснованно подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления.

Пятый параграф «Системно-структурная характеристика уголовного процесса как формы применения уголовного закона» посвящен функциональной характеристике уголовного процесса, охватывающей его формально-процедурную сторону. К элементам системы уголовного процесса ученые (В. В. Николюк, Ю. К. Якимович и др.) относят «стадии уголовного процесса» и «процессуальные производства». Соискатель делает предложение о выделении самостоятельной единицы, характеризующей систему уголовного судопроизводства, — «этап, связанный с отражением применения норм УК в индивидуальном акте». Это даст возможность охарактеризовать последовательное применение норм уголовного закона внутри стадий уголовного процесса и позволит проследить «переход» деятельности из обычного в особое производство, и наоборот.

Применение норм УК предполагает обращение к диспозиции (и гипотезе), а затем и к санкции уголовно-правовой нормы. Делается вывод, что процессуальная форма включает соответствующие подсистемы применения уголовного закона.

Для характеристики внутреннего построения деятельности на уровне отдельных этапов, связанных с отражением применения норм УК в индивидуальном акте, соискатель предлагает категорию «структура уголовно-процессуальной формы». Он солидаризируется с позицией ученых (С. С. Алексеев, А. В. Наумов и др.), рассматривающих применение закона как процесс, в котором в качестве его элементов определяются не

только принятие индивидуального акта, но и предшествующее исследование фактов (обстоятельств происшедшего) и их юридическая оценка. Делается вывод, что выяснение фактических обстоятельств и выбор уголовно-правовой нормы следует считать двумя элементами первой стадии процесса — установления предпосылок для принятия решения о применении уголовного закона. В качестве второй стадии соискатель называет принятие решения. Он разграничивает его с выбором статьи УК (элемент первой стадии) и с оформлением решения в процессуальном акте (элемент третьей стадии). Отмечается, что о решении, связанном с применением уголовного закона, требуется уведомить заинтересованных лиц (на это, в частности, указывает подп. «а» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.). Причем уведомление может предусматриваться и до вынесения процессуального акта (например, в соответствии с чч. 3 и 4 ст. 28 УПК, прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК, не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает; до прекращения уголовного преследования лицу должны быть разъяснены основания его прекращения и право возражать против данного решения). Таким образом, вынесение акта и уведомление заинтересованных лиц о применении уголовного закона являются элементами третьей стадии правоприменительного процесса.

Контрольно-надзорная деятельность не является отдельным структурным элементом процессуальной формы применения уголовного закона. Такое производство представляет собой «полный цикл» правоприменения (включает установление предпосылок, принятие решения и его оформление в процессуальном акте, с уведомлением об этом заинтересованных лиц).

Вторая глава «Оптимизация уголовного процесса в интересах обеспечения правильного применения уголовного закона» включает четыре параграфа.

В *параграфе первом* «Понятие и программа оптимизации уголовного процесса» констатируется кризис отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Автор соглашается с учеными (А. В. Азаров, О. А. Зайцев, Л. В. Головкин, А. В. Смирнов и др.) в том, что действующий УПК не обеспечивает задачи борьбы с преступностью, недостаточно защищает права граждан. Несмотря на введение некоторых прогрессивных новаций, со временем выявилась его эклектичность, неорганичное соединение разнородных принципов и подходов. Корректировки

УПК в своей совокупности еще сильнее деформировали его внутреннюю логику и в настоящий момент не позволяют определить общий вектор развития отечественного уголовного процесса.

Соискатель отмечает, что государство должно стремиться к формированию системы норм и институтов, которая в лучшей степени позволяла бы достигать цели, решать задачи уголовного судопроизводства и соответствовала бы условиям их применения. Характеристику измененного в соответствии с потребностями времени уголовного процесса может давать категория *оптимальный*, т. е. наилучший, соответствующий желательным условиям, наиболее соответствующий целям и задачам. Автор солидаризируется с мнением (Ю. В. Дерিশев), что термин «оптимальность» включает «*эффективность*» и «*рациональность*» (которые поглощают критерии «полезность», «ценность», «экономичность» и др.). Критерий «эффективность» требует правильного уяснения целей и задач уголовного судопроизводства. «Рациональность» относится к средствам достижения целей. Рациональной (разумно обоснованной, не требующей излишеств) может быть устанавливаемая законодателем процессуальная форма применения уголовного закона на уровне ее системы и структуры. Идея рациональности должна находить свое выражение и через правоприменительную деятельность. Этому может служить развитие дискреционных полномочий участников, ведущих уголовное производство, в выборе наиболее экономичных и вместе с тем эффективных сил и средств.

Выделены принципы оптимизации — организующие условия, позволяющие сформулировать предложения по повышению эффективности и рациональности, с тем чтобы процессуальная форма стала непротиворечивой и внутренне согласованной. К ним отнесены: а) единство законодательства уголовно-правового блока; б) соответствие уголовного процесса национальным традициям; в) комплексность.

В результате формулируются *понятие и меры по оптимизации уголовного процесса* (положение 4, выносимое на защиту).

Во *втором параграфе* «Назначение, цели и задачи уголовного процесса» отмечается, что четкое представление детерминантов уголовного судопроизводства позволяет правоприменителю выбирать оптимальные средства, ведущие к необходимому результату, а законодателю — предлагать соответствующие средства целедостижения и определять эффективный механизм их действия.

Автор присоединяется к критическим замечаниям ученых (В. А. Азаров, Л. В. Головкин, А. П. Гуляев и др.) относительно редакции ст. 6 УПК, создающей «разрыв» между уголовным материальным и процессуальным правом. Предлагается изменить формулировку «назначение уголовного

судопроизводства», с тем чтобы более полно отражалась направленность уголовного процесса на защиту ценностей, указанных в ст. 2 УК.

Социальное назначение ограничивается от целей и задач уголовного процесса (в конкретном производстве). Отмечается достоинство формулировки ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., которая четко показывала направленность уголовного процесса на «правильное применение закона» о преступлениях и наказаниях, указываются ее недостатки. Обосновывается, что целью уголовного процесса следует закрепить результат применения норм УК, при котором лица, совершившие запрещенные уголовным законом деяния, подвергнуты справедливому уголовно-правовому воздействию и ни один невиновный не осужден и (или) ограничен в правах и свободах, а в качестве задач — положения, которые отражают структуру применения уголовного закона, поскольку эти задачи возлагаются на каждый орган и должностное лицо, ведущее уголовный процесс, распространяются на любые его стадии и все производства.

Предлагается новая редакция ст. 6 УПК «Назначение, цели и задачи уголовного судопроизводства».

В *параграфе третьем* «Корректирование системы принципов уголовного процесса» констатируется, что принципы являются организующим и связующим звеном между целями уголовного процесса и средствами их достижения. Они (условно) разграничиваются на базовые положения, определяющие оптимальный порядок судопроизводства, с тем чтобы максимально способствовать достижению его целей, и на принципы-гарантии, которые содержат ограничения (условия) в средствах такого достижения (Д. М. Берова). Основополагающие начала первой группы, определяющие способ применения уголовного закона, в нормативно закрепленной системе принципов уголовного процесса (гл. 2 УПК) отражены недостаточно.

В интересах обеспечения единства толкования и удобства правоприменения, а также определения направлений оптимизации законодательства предлагается закрепить в специально предназначенной для этого главе 2 УПК принципы публичности уголовного процесса и всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного применения уголовного закона, и скорректировать нормативную основу принципа законности уголовно-процессуальной деятельности, отразив важность правильного применения норм УК.

Публичность уголовного процесса рассматривается в двух аспектах: как проявление широких полномочий действующих от имени государства специальных органов, обеспечивающих возникновение уголовного дела, его развитие и разрешение по существу, а также как возможность и необходимость публичного обвинения по уголовным делам. Диспозитивное

распоряжение правами лиц и организаций, имеющих законные интересы в уголовном процессе, и дискреционное усмотрение должностных лиц, уполномоченных применять уголовный закон, не опровергают, а напротив, подчеркивают публичность организации уголовного судопроизводства. Их дальнейшее развитие не повлияет на его публично-правовую природу, а позволит более эффективно и рационально применять уголовный закон в каждом конкретном случае выявления общественно опасных посягательств.

Соискатель рассматривает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела как средство к достижению истинных знаний об уголовно-правовом отношении. Установление истины является целью доказывания. Категорию «истина» неверно распространять на уголовно-правовые квалификации и воздействие. Быть истинными (соответствовать действительности) могут сведения о фактах. По мнению автора, отсутствие должного разграничения между доказыванием обстоятельств и выбором уголовно-правовой нормы, а также принятием на этой основе решений о применении уголовного закона, приводит отдельных ученых к мнению, что по делу устанавливается юридическая истина.

Автор соглашается с учеными (А. П. Гуляев, В. Т. Томин и др.) в том, что законность неправильно ограничивать лишь производством по уголовному делу и что формула данного принципа чрезмерно сосредоточена на необходимости соблюдения уполномоченными субъектами должной правовой процедуры и необоснованно абстрагирована от нацеливания компетентных должностных лиц на правильное применение норм УК.

Анализируются требования законности, обоснованности и мотивированности процессуальных актов (ч. 4 ст. 7 УПК). Отмечается, что для принятия многих предварительных решений о применении уголовного закона обоснованность предполагает наличие достаточных доказательств, свидетельствующих о высокой степени вероятности произошедших обстоятельств.

Обвинительный приговор, а также иные решения суда, которые с учетом характеристики содеянного и личности правонарушителя предполагают выбор средств уголовно-правового воздействия, должны также соответствовать требованию справедливости (в материально-правовом смысле), а процессуальные решения органов предварительного расследования и прокурора могут отвечать критерию целесообразности. Автор солидаризируется с учеными (Н. Н. Апостолова, М. В. Бавсун, А. М. Баранов и др.) во мнении о том, что целесообразность, а равно и справедливость, нельзя противопоставлять законности.

В *параграфе четвертом* «Компетенция органов, применяющих уголовный закон» отмечается, что современная политика в отношении субъектов,

уполномоченных принимать решения о применении норм УК в досудебном производстве, характеризуется отсутствием определенности. Проанализировав позиции процессуалистов (Л. В. Головкин, В. С. Шадрин и др.), автор пришел к выводу, что рациональным является развитие досудебного производства по германскому типу, т. е. в форме дознания, проводимого «элитными» сотрудниками полиции или других ведомств при «усиленном» надзоре прокурора. Уголовные производства целесообразно распределять между органами дознания по признакам родового объекта преступления (предметный признак) с закреплением правил подследственности на уровне подзаконных нормативных правовых актов (например, приказа Генерального прокурора РФ).

Обосновывается, что имеющиеся у органов предварительного расследования и прокурора полномочия по принятию решений, связанных с применением диспозиций (и гипотез) уголовно-правовых норм, соответствуют принципам презумпции невиновности и состязательности сторон. Вместе с тем к юрисдикции суда необходимо отнести решения о применении мер процессуального принуждения, основанных на содержании санкций норм УК (за исключением случаев кратковременного задержания, осуществляемого в неотложном порядке). При этом целесообразно организационное отделение судьи, принимающего решение о применении мер процессуального принуждения, от судей, рассматривающих уголовное дело по существу.

Глава третья «Оптимизация процессуальной формы применения диспозиций уголовно-правовых норм» включает пять параграфов.

В *первом параграфе* «Этапы применения диспозиций норм УК и оптимизация предмета доказывания» отмечается, что процесс квалификации деяния, содержащего признаки состава преступления, включает два полных цикла: досудебного и судебного производства. Применительно к первому циклу схема «объект → объективная сторона → субъект → субъективная сторона» иллюстрирует типичный вектор конкретизации знаний об уголовно-правовом отношении, хотя и не исключает отклонение от него в различных ситуациях.

Для нужд уголовно-правовой квалификации законодатель закрепляет обстоятельства, подлежащие доказыванию (ч. 1 ст. 73 УПК). Предмет доказывания включает обстоятельства, характеризующие состав преступления (главный факт) и иные обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение (например, смягчающие и отягчающие наказание). Главный факт представлен, в первую очередь, обстоятельствами, указанными в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК: событие преступления — совокупность объективных признаков состава преступления; виновность лица в совершении преступления — выражение элементов субъективной его стороны. С помощью процессуаль-

ного доказывания устанавливаются именно обстоятельства (факты), составляющие предмет доказывания. Фактическая сторона преступного деяния, служившая тезисом процессуального доказывания, становится аргументом акта квалификации, устанавливающего наличие или отсутствие состава преступления.

Автор отмечает, что «перевод с уголовного на уголовно-процессуальный язык» признаков состава преступления в обстоятельства, подлежащие доказыванию, осуществлен не вполне удачно. Обосновывается, что пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК целесообразно изложить в следующем виде:

«1) наличие или отсутствие деяния, преступный характер которого предполагается; 1¹) при наличии деяния — содержание действия или бездействия, с указанием времени и места его совершения; 1²) в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК, — последствия деяния, а также способ, орудие, средство, обстановка и другие признаки совершения деяния, свидетельствующие о его общественной опасности; 2) лицо, совершившее деяние; 2¹) способность лица, совершившего деяние, нести уголовную ответственность в силу достижения возраста и вменяемости; 2²) при способности лица нести уголовную ответственность — форма вины, цели и мотивы совершения деяния».

Адаптация к ст. 8 УК подлежащих доказыванию обстоятельств позволит сделать более определенными основания принятия решений, отражающих применение диспозиций уголовно-правовых норм в ходе процессуальной деятельности.

В параграфе втором «Уголовно-правовая оценка содеянного при поступлении сообщения о противоправном деянии» автор соглашается с преобладающим в доктрине подходом (Н. П. Кузнецов, Г. П. Химичева и др.) о том, что на момент возбуждения уголовного дела достаточно выяснения вероятностных сведений, указывающих на признаки объекта и объективной стороны состава преступления. Необходимо установить: деяние (в форме действия или бездействия), направленное на охраняемые уголовным законом общественные отношения; его существенную опасность (а при материальном составе — то, что последствия деяния имеют значительную общественную опасность и находятся в причинно-следственной связи с деянием); время, место, способ и другие обстоятельства, характеризующие деяние в объеме, который позволит индивидуализировать содеянное (*in rem*).

Соискатель анализирует причины, которые привели к искажению представлений о назначении первоначального этапа процесса и к значительному «перемещению» доказывания обстоятельств происшедшего на стадию рассмотрения сообщений о преступлениях: закрепление за проверкой сообще-

ния о преступлении статуса обязательного элемента стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК); появление в УПК «специализированных» поводов, введение особого порядка проведения проверки первичных сообщений по отдельным видам преступных посягательств; установление особого порядка принятия решений в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК; неоптимальность полномочий должностных лиц по применению уголовного закона.

В числе причин отмечается и то, что подозреваемому предоставлено право на реабилитацию в случаях прекращения его уголовного преследования (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК). Это приводит к «переносу» значительного объема обвинительной деятельности, закамуфлированной под проверочную, якобы не нацеленной на установление причастности лица к содеянному, со стадии предварительного расследования на этап возбуждения дела (Б. Б. Булатов). Наделение лица статусом подозреваемого (в том числе при возбуждении дела в отношении лица) происходит в условиях недостаточной конкретизации сведений об уголовно-правовом отношении. Поэтому данный статус должен влечь исключительно положительные правовые последствия. В законе следует закрепить, что любые негативные проявления (например, в виде ограничений права на выезд из государства, на определенную деятельность) требуют отдельного судебного решения. Правом на реабилитацию и на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, должны обладать лишь те лица, которые реально претерпевают принудительные меры воздействия при производстве по делу (меры пресечения и т. п.). Корректирование оснований для реабилитации и возмещения вреда может способствовать уменьшению объема предварительной проверки, позволит принимать своевременные решения о начале расследования, сократит случаи незаконных отказов в процессуальной деятельности.

Автор предлагает концепцию последовательной оценки юридического факта, лежащего в основе уголовного правоотношения. Она предполагает преобразование стадии возбуждения уголовного дела в осуществляемое под надзором прокурора производство неотложных процессуальных действий (любых следственных и иных процессуальных действий); вынесение по его результатам акта о предварительной правовой оценке деяния.

В *третьем параграфе* «Применение диспозиций норм УК в ходе предварительного расследования» отмечается, что закрепленный в УПК подход к регламентации этапа квалификации преступления, связанного с появлением в деле подозреваемого, характеризуется не только многообразием форм применения уголовного закона, но и различными требованиями к предпосылкам принятия соответствующих решений и последующему уведомлению

о них заинтересованных лиц. Для обеспечения законности и обоснованности решений о постановке в статус подозреваемого и своевременного наделения правами преследуемых лиц соискатель аргументирует целесообразность унификации формы применения норм УК на этапе установления субъекта преступления и предлагает: а) признавать подозреваемым физическое лицо, в отношении которого имеются достаточные доказательства, позволяющие обоснованно предполагать его причастность к совершению преступления, посредством принятия решения о признании подозреваемым; б) осуществлять оформление такого решения в акте о предварительной правовой оценке содеянного или о применении меры процессуального принуждения (задержания, меры пресечения) либо в отдельном постановлении.

Для принятия решения о постановке лица в статус подозреваемого требуются данные, указывающие на наличие преступного деяния (признаки объекта и объективной стороны состава преступления), а также сведения о субъекте преступления как элементе состава преступления (физическом лице — его содержании), т. е. подлежат доказыванию обстоятельства, предусмотренные пп. 1, 1¹, 1² и 2 ч. 1 ст. 73 УПК (в авторской редакции предмета доказывания).

В решениях ЕСПЧ отмечается, что следующим после установления обоснованных подозрений этапом уголовного процесса, на котором требуются описание познанного факта и его квалификация, является составление обвинительного заключения. Соискатель солидаризируется с учеными, предлагающими ликвидировать привлечение в качестве обвиняемого на предварительном расследовании (Б. Я. Гаврилов, О. В. Малышева и др.), с закреплением правила о наделении статусом обвиняемого по окончании досудебного производства (Ю. В. Дерিশев и др.) при условии нормативной и фактической минимизации негативных последствий решения о постановке в статус подозреваемого и корректирования института реабилитации, препятствующего своевременной объективизации подозрения (Б. Б. Булатов, Н. П. Ефремова, В. В. Кальницкий и др.). Соискатель обосновывает, что момент утверждения о совершении лицом запрещенного уголовным законом деяния связан с установлением всех элементов состава преступления, а достоверный вывод о наличии доказательств для этого может быть сделан только в документе по результатам всего предварительного расследования.

В *четвертом параграфе* «Обеспечение правильного применения диспозиций уголовно-правовых норм в судебном производстве» соискатель критически оценивает внесенные Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ изменения в УПК, которыми предусмотрено возвращение дела прокурору «для усиления обвинения» и установлен для суда запрет указывать статью Особенной части УК, по которой деяние подлежит новой

правовой оценке (п. 6 ч. 1, ч. 1³ ст. 237 УПК). Отмечается, что «особый порядок движения уголовного дела» едва отличим от дополнительного расследования, предполагает дублирование процедур, а потому является нерациональным, не соответствует положению о разумном сроке уголовного судопроизводства. Из числа опрошенных 68% должностных лиц органов предварительного следствия и 73% сотрудников прокуратуры указывают на неоптимальность возвращения дела прокурору для перепредъявления обвинения и считают необходимым закрепить процедуру изменения обвинения в судебных стадиях процесса.

Постановлением от 2 июля 2013 г. № 16-П Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 ст. 237 УПК не соответствующими Основному закону страны в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК, исключающей возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона. В данном деле заявителем не оспаривались положения ст. 252 УПК, поэтому они не могли быть признаны неконституционными. Однако орган конституционного контроля обратил внимание на проблему отсутствия у суда возможности самостоятельно и независимо выбирать подлежащие применению нормы уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления.

Противоречивость института направления дела в досудебное производство для усиления обвинения, практическая нецелесообразность расширения оснований для возвращения делу прокурору свидетельствовали о возможности отдать приоритет более эффективному и рациональному способу приведения процессуального законодательства в соответствие с позицией, изложенной в постановлении № 16-П: изменению пределов судебного разбирательства в сторону ухудшения.

Соискателем предложена модель нормативного регулирования, согласно которой в случаях, когда суд приходит к выводу о том, что имеющиеся в деле доказательства требуют юридической оценки деяния по другой статье УК (в том числе предусматривающей более тяжкое преступление), он по окончании прений сторон принимает решение о применении должной нормы уголовного закона, оформляет его соответствующим постановлением (определением), уведомляет участников процесса о том, каким пунктом, частью, статьей УК квалифицировано деяние. После этого судебное заседание откладывается на срок, достаточный для подготовки подсудимого к последнему слову. Предложенный порядок соответствует общепризнанным принципам и международным нормам (в частности, пп. 1 и 3 ст. 6 Европейской Кон-

венции о защите прав человека и основных свобод) и практике ЕСПЧ. Подсудимому обеспечивается право знать, какую юридическую оценку судья дает деянию, являющемуся предметом обвинения, и предоставляется возможность подготовиться к последнему слову, в рамках которого сообщить о новых обстоятельствах, имеющих значение для дела, заявить ходатайства об исследовании дополнительных доказательств, и т. п.

Формулировка «в том числе», использованная в п. 1 резолютивной части постановления № 16-П, свидетельствует о том, что Конституционный Суд РФ критически оценил и иные, помимо ч. 1 ст. 237 и ст. 252 положения УПК, образующие единую систему правового регулирования. По мнению соискателя, корректировке подлежат положения чч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК как не предоставляющие суду независимость от воли органа, осуществляющего уголовное преследование, в части оценки фактических обстоятельств деяния.

В *пятом параграфе* «Упрощенные порядки применения диспозиций уголовно-правовых норм» обращается внимание на общемировую тенденцию упрощения уголовного судопроизводства, в основе которой лежит выработка и практическая реализация стандартов оптимизации, соответствующих уровню развития общественных отношений, социальным потребностям, мировоззренческим ценностям, финансовым, техническим, организационным, кадровым и иным возможностям государства (О. В. Качалова). На уровне системы процессуальной формы применения норм УК упрощение происходит в случаях упразднения этапов уголовно-правовой оценки. Сокращенными производствами являются: дознание, в котором, как правило, отсутствует этап привлечения в качестве обвиняемого, и производство по делам частного обвинения, не предполагающее, по общему правилу, досудебного производства с неоднократной квалификацией деяния.

Основываясь на позициях Конституционного Суда РФ от 26 января 1999 г. № 11-О, от 23 июня 2005 г. № 268-О, от 27 июня 2005 г. № 7-П, соискатель предлагает закрепить нормативно положение о том, что первоначальную юридическую оценку по делам частного обвинения обязан осуществлять заявитель. Однако в случаях, когда потерпевший не может или не желает самостоятельно реализовать свое право на уголовное преследование, должно производиться дознание по правилам, установленным для дел частного-публичного обвинения.

Ускорение может происходить на уровне структуры процессуальной формы: при упрощении порядка установления фактических обстоятельств деяния как предпосылки применения норм УК. Анализируется порядок принятия судебного решения, предусмотренный гл. 40 УПК. При согласии с предъявленным обвинением и заявлении обвиняемым соответствующе-

го ходатайства в судебном заседании не проводятся исследование и оценка доказательств, связанных с юридической оценкой деяния. Однако судье важно установить, что собранными по делу доказательствами подтверждаются все составляющие конкретное обвинение объективные и субъективные, простые и квалифицирующие (отягчающие или смягчающие) признаки. Поэтому оценка и проверка имеющихся доказательств осуществляется в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. В ряде случаев этого недостаточно для формирования предпосылок, позволяющих применять диспозиции норм УК. Поддерживается позиция ученых (И. Л. Петрухин, А. В. Пилюк и др.) о необходимости ввести непосредственное исследование доказательств при рассмотрении уголовного дела в особом порядке. Вносится предложение о том, чтобы судья в каждом случае осуществлял допрос подсудимого, а при необходимости проводил и любые иные действия, направленные на установление истинных обстоятельств, имеющих значение для описания и квалификации деяния.

Соискатель считает, что принципу равенства перед законом и судом будет соответствовать правило, по которому согласие с описанием преступного деяния и его уголовно-правовой оценкой будет поощряться независимо от решения должностных лиц о «переходе» на особый порядок производства, категории преступления и персональных характеристик преследуемого лица. Поэтому в ч. 1 ст. 61 УК предлагается закрепить в качестве самостоятельных обстоятельств, смягчающих наказание, согласие с предъявленным обвинением и согласие с правовой оценкой деяния в «акте о признании подозреваемым» при заявлении соответствующего ходатайства обвиняемого (подозреваемого). Юридические последствия такого поведения преследуемого лица не должны быть значительнее, чем при активных позитивных действиях (явке с повинной, активном способствовании раскрытию и расследованию преступления). Поэтому ч. 5 ст. 62 УК следует изложить в редакции, в соответствии с которой срок или размер наказания, назначаемого лицу, согласившемуся с предъявленным обвинением, не может превышать *три четверти* от максимального срока или размера наказания, а лицу, согласившемуся с юридической оценкой деяния в ходе досудебного производства, — *двух третей* от максимального срока или размера наказания.

При признании лица подозреваемым на предварительном расследовании ему должны письменно разъясняться положения ст. ст. 61 и 62 УК. В случае согласия подозреваемого с юридической оценкой содеянного и заявления соответствующего ходатайства при производстве по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести должен решаться вопрос о целесообразности составления обвинительного акта и о направлении дела в суд для его рассмотрения по существу на основании данных, собранных

до постановки лица в статус подозреваемого и (факультативно) при проведении следственных и иных процессуальных действий, производство которых может повлечь за собой невозполнимую утрату следов преступления или иных доказательств.

Условием, позволяющим судье принять решение о сокращенном порядке исследования доказательств, должно являться отсутствие у потерпевшего возражений по поводу правильности указания фактической и юридической сторон обвинения.

При модернизации условий применения ускоренного порядка производства и расширении средств установления истинных обстоятельств деяния в судебном следствии целесообразно распространить возможность проведения судебного разбирательства в особом порядке на уголовные дела о любых преступлениях, рассмотрение которых осуществляется судьей единолично.

Четвертая глава «Оптимизация процессуальной формы применения санкций уголовно-правовых норм» состоит из четырех параграфов.

В *параграфе первом* «Система мер процессуального принуждения, применяемых при учете санкций уголовно-правовых норм» соискатель обращает внимание на обеспечительный характер мер процессуального принуждения по отношению к предполагаемому наказанию и иным мерам уголовно-правового характера. С учетом доктринальных предложений, исторического опыта, проектов изменений УПК, зарубежного законодательства автором разработана модель мер пресечения, включающая основные ограничения, дополнительные ограничения и обязательства, а также способы их обеспечения.

В качестве *основных* предлагается закрепить ограничения: а) выезда из государства без разрешения органа, ведущего производство; б) свободы передвижения из населенного пункта по месту регистрации, жительства или нахождения (для военнослужащих — по месту несения службы) без разрешения органа, ведущего производство; в) физической свободы с условием нахождения в жилом помещении по месту проживания, т. е. домашний арест; г) лишение свободы (в том числе кратковременное лишение свободы при задержании) с содержанием под стражей в местах предварительного заключения либо в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или в центре временного содержания несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых.

Дополнительными ограничениями и обязательствами (допустимо применять одно или несколько наряду с основными ограничениями или самостоятельно) могут стать: запрет на общение с определенными лицами или обязательство соблюдать установленные условия при общении с ними; запрет на приближение к определенным лицам; запрет на посещение

определенных мест; обязательство явки в контролирующий орган с установленной периодичностью; наложение ареста на имущество; временное отстранение от должности; временное изъятие документов, удостоверяющих право на определенную деятельность, и др. Кроме того, только наряду с основными ограничениями могут быть применены временное изъятие паспорта и других документов, удостоверяющих личность, и обязательство носить электронное средство контроля.

Способами обеспечения исполнения ограничений и соблюдения обязательств предлагается закрепить: 1) личное обязательство; 2) поручительство заслуживающих доверия лиц (в том числе по отношению к несовершеннолетним); 3) денежное обеспечение (залог); 4) контроль со стороны органов исполнительной власти, осуществляющих правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний (в том числе в отношении осужденных). Первые три способа обеспечения могли бы использоваться при применении основных ограничений, обозначенных литерами «а» и «б», а также в случаях возложения дополнительных ограничений и обязательств, четвертый способ — при любых ограничениях и обязательствах.

По мнению диссертанта, требуется максимально урегулировать сроки основных и дополнительных ограничений, отдельных дополнительных обязательств; оптимизировать формулу их зачета между собой и в сроки наказания.

Во *втором параграфе* «Условия законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения» автор выделяет соответствующие условия: а) достаточность данных, указывающих на совершенное преступление; б) обоснованность подозрений о причастности лица к преступлению; в) наличие обстоятельств, дающих достаточные основания полагать совершение подозреваемым, обвиняемым деяний, препятствующих уголовному производству; г) соразмерность характера и сроков ограничений мер пресечения грозящему наказанию.

Достаточность данных, указывающих на преступление и на причастность лица к его совершению, можно условно именовать «материальными» основаниями для применения мер принуждения — особых средств воздействия. «Процессуальными» основаниями являются установленные обстоятельства, свидетельствующие о том, что подозреваемый (обвиняемый) может осуществить противоправные действия: совершить новые преступления или незаконно воспрепятствовать постановлению или исполнению потенциального обвинительного приговора. При этом тяжесть совершенного преступления и суровость вероятного наказания дают основания презюмировать возможность лица скрыться или совершить иные действия по воспрепятствованию правосудию.

По смыслу закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности, до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его (постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П). Соискатель анализирует гарантии соразмерности принуждения преследуемых лиц тяжести лишений, которые могут быть возложены на виновного после назначения наказания. Ими являются частные условия избрания мер процессуального принуждения и продления сроков их применения (ч. 1 ст. 91, чч. 1, 2, 2¹, 7 и 8 ст. 107, чч. 1, 1¹ и 2 ст. 108, чч. 2–3 ст. 109, ч. 3 ст. 255 УПК и др.). Предлагаются изменения в УПК: в отсутствие исключительных обстоятельств ограничить применение задержания подозреваемого, обвиняемого особо тяжкими, тяжкими и средней тяжести преступлениями; упразднить запрет применения заключения под стражу в отношении предпринимателей и др.

В *параграфе третьем* «Обеспечение справедливости применения мер процессуального принуждения» автор осуществляет поиск критерия, позволяющего применять особые средства воздействия в соответствии с требованием справедливости (в материально-правовом смысле). Рассматриваются подходы ученых (Е. В. Гусельникова, В. А. Михайлов, О. И. Цоколова и др.), предлагающих выбор мер пресечения обуславливать санкциями уголовно-правовых норм. Анализируются позиции Конституционного Суда РФ (постановление от 22 марта 2005 г. № 4-П) и Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 19 декабря 2013 г. № 41). В результате статью УПК «Обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения» предлагается изложить в новой редакции: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения и определении ее вида должны учитываться: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого (его возрасте, состоянии здоровья, семейном положении, роде занятий, его поведении в период производства по уголовному делу и др.), а также наказание, которое может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом уголовно-правовых институтов освобождения от наказания и смягчения наказания». Делается вывод, что факт доказанности преступления может влиять на определение вида воздействия не сам по себе, а только при учете обстоятельств, свидетельствующих о строгости угрожающего наказания.

В *параграфе четвертом* «Совершенствование регламентации мер процессуального принуждения в уголовно-исполнительном судопроизводстве» анализируются точки зрения процессуалистов (Б. Б. Булатов, В. В. Николук,

О. И. Цоколова и др.) относительно разрешения вопросов об отраслевой принадлежности и должном нормативном закреплении условий и порядка задержания и заключения под стражу осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания. Соискатель предлагает регламентировать в нормах УИК право доставления разысканного осужденного в компетентные органы, а также возможность его задержания, заключения под стражу и домашнего ареста в порядке, предусмотренном УПК.

Раздел IV УПК «Меры процессуального принуждения» не приспособлен для регулирования принудительного воздействия в уголовно-исполнительном судопроизводстве. Автор обосновывает, что в данном разделе должны регламентироваться: виды ограничений, обязательств и способы обеспечения их исполнения; цели мер пресечения и общие условия их применения; порядок взаимозачета сроков. По мнению соискателя, основания, частные условия, особенности процессуального порядка избрания и сроки применения мер пресечения следует закрепить в разделах VIII, IX, XIV УПК, посвященных досудебному, судебному и уголовно-исполнительному производству.

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы теоретические положения и основанные на них предложения по оптимизации уголовного процесса как формы применения уголовного закона.

В приложении 1 представлен проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В приложениях 2 и 3 изложены результаты анкетирования правоприменителей.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. *Муравьев, К. В.* Особый порядок возбуждения уголовных дел в отношении специальных субъектов [Текст] / К. В. Муравьев // Законность. — 2006. — № 1. — С. 32–33 (0,2 п. л.).

2. *Муравьев, К. В.* Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовное право. — 2013. — № 1. — С. 106–112 (0,6 п. л.).

3. *Муравьев, К. В.* Распространить идею компромисса особого порядка судебного разбирательства на предварительное расследование [Текст] /

В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев, Д. А. Воронов // Российский следователь. — 2013. — № 7. — С. 12–15 (0,43 п. л. / 0,43 п. л.).

4. *Муравьев, К. В.* Уголовно-процессуальные аспекты закона «О мошенничестве» [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. — 2013. — № 2 — С. 155–158 (0,4 п. л.).

5. *Муравьев, К. В.* «Аккорды» возбуждения уголовного дела [Текст] / К. В. Муравьев // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2013. — № 2. — С. 29–33 (0,48 п. л.).

6. *Муравьев, К. В.* Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования [Текст] / В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев, Д. А. Воронов // Уголовное право. — 2013. — № 3. — С. 81–85 (0,4 п. л. / 0,4 п. л.).

7. *Муравьев, К. В.* Расширение диспозитивных начал по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики [Текст] / К. В. Муравьев // Российский следователь. — 2013. — № 8. — С. 14–18 (0,5 п. л.).

8. *Муравьев, К. В.* Назначение и производство судебной экспертизы как вид специальных познаний, применяемый на стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / К. В. Муравьев, П. В. Седельников // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — № 1. — С. 102–109 (0,68 п. л. / 0,68 п. л.).

9. *Муравьев, К. В.* Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве [Текст] / К. В. Муравьев // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 5. — С. 906–913 (0,75 п. л.).

10. *Муравьев, К. В.* Обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме, как основание для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовное право. — 2014. — № 6. — С. 101–106 (0,4 п. л.).

11. *Муравьев, К. В.* Надлежащее доказывание обстоятельств происшедшего до правовой оценки деяния в постановлении о возбуждении уголовного дела как условие достижения процессуальной экономии при производстве дознания в сокращенной форме [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. — 2014. — № 4. — С. 173–177 (0,4 п. л.).

12. *Муравьев, К. В.* Направления оптимизации процессуальной формы применения уголовного закона при производстве «сокращенного» дознания [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2015. — № 1. — С. 165–169 (0,52 п. л.).

13. *Муравьев, К. В.* Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 1. — С. 61–67 (0,64 п. л.).

14. *Муравьев, К. В.* «Пропасть» между теорией и практикой возбуждения дел — результат уголовно-процессуальной политики [Текст] / К. В. Муравьев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 2. — С. 453–457 (0,62 п. л.).

15. *Муравьев, К. В.* Уголовный процесс и реализация уголовного закона [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2016. — № 4. — С. 56–68 (0,61 п. л.).

16. *Муравьев, К. В.* Оптимизация законодательства о мерах пресечения [Текст] / К. В. Муравьев // Российский следователь. — 2017. — № 2. — С. 29–33 (0,6 п. л.).

17. *Муравьев, К. В.* Уголовный процесс как форма применения уголовного закона [Текст] / К. В. Муравьев // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2017. — № 1. — С. 3–8 (0,48 п. л.).

18. *Муравьев, К. В.* «Дорожная карта уголовной политики» и уголовный процесс [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2017. — № 3. — С. 155–158 (0,38 п. л.).

Монографии:

19. *Муравьев, К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления : монография [Текст] / П. Г. Марфицин, К. В. Муравьев. — Омск: Омская академия МВД России, 2009. — 219 с. (12,7 п. л. / 12,7 п. л.).

20. *Муравьев К. В.* Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография [Текст] / К. В. Муравьев. — Омск: Омская академия МВД России, 2017. — 226 с. (13,3 п. л.).

Учебные пособия, учебники:

21. *Муравьев, К. В.* Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания [Текст] : учебно-практическое пособие / К. В. Муравьев, А. В. Писарев, И. С. Смирнова. — Омск: ООО «Типография БЛАНКОМ», 2007. — 100 с. (6,25 п. л. / 6,25 п. л.).

22. *Муравьев, К. В.* Уголовно-процессуальная деятельность подразделений уголовного розыска [Текст]: учебное пособие / А. М. Баранов, Е. Г. Ларин, К. В. Муравьев, А. В. Писарев, И. С. Смирнова, С. В. Супрун / под ред. А. М. Баранова. — Омск: Омская академия МВД России, 2009. — 120 с. (7,0 п. л. / 7,0 п. л.).

23. *Муравьев, К. В.* Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России [Текст] : учебное пособие / К. В. Муравьев, А. В. Писарев, И. С. Смирнова, С. В. Супрун. — М.: ЦОКР МВД России, 2010. — 136 с. (8,5 п. л. / 8,5 п. л.).

24. *Муравьев, К. В.* Участники уголовного судопроизводства [Текст] : учебное пособие / К. В. Муравьев, А. В. Писарев. — Омск: Омская академия МВД России, 2011. — 104 с. (6,1 п. л. / 6,1 п. л.).

25. *Муравьев, К. В.* Уголовный процесс. Проблемные лекции [Текст] : учебник для магистров / А. С. Александров, А. С. Бахта, В. П. Гмырко, С. П. Гришин, И. А. Зинченко и др., всего 19 человек / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко (Глава 13. Возбуждение органами предварительного расследования уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления). — М.: Юрайт, 2013. — 799 с. (40,0 п. л. / 2,5 п. л.).

26. *Муравьев, К. В.* Уголовный процесс [Текст] : учебник / А. Н. Артамонов, А. А. Аубакиров, М. А. Арыстанбеков, А. М. Баранов, Б. Б. Булатов и др., всего 15 человек / под ред. А. М. Баранова, Б. М. Нургалиева (Глава 5. Участники уголовного судопроизводства. Глава 8. Возбуждение уголовного дела. Глава 25. Особенности производства по делам в отношении лиц, обладающих привилегиями и иммунитетом от уголовного преследования). — Астана: Фолиант, 2013. — 550 с. (40,37 п. л. / 4,15 п. л.).

27. *Муравьев, К. В.* Судостроительство, организация прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатуры [Текст] : учеб. пособие для вузов / А. Н. Артамонов, А. С. Дежнев, В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин, К. В. Муравьев / под общ. ред. проф. В. В. Кальницкого (Глава IV. Органы предварительного расследования). — Омск: Омская академия МВД России, 2015. — 222 с. (13,0 п. л. / 2,0 п. л.).

28. *Муравьев, К. В.* Уголовный процесс: в 2 ч. : учебник для вузов [Текст] / А. Н. Артамонов, А. М. Баранов, В. П. Божьев, Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев и др., всего 11 человек / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — 6-е изд., перераб. и доп. (Глава 8. Возбуждение уголовного дела. Глава 9. Предварительное расследование. Процессуальные сроки. Процессуальные издержки. Глава 25. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц). — М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2017. — Ч. 2. — 352 с. (33,8 п. л. / 3,39 п. л.).

29. *Муравьев, К. В.* Досудебное производство в уголовном процессе [Текст] : учеб. пособие для вузов / А. М. Баранов, Б. Б. Булатов, А. С. Дежнев, В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова (Глава 1. Возбуждение уголовного дела. Глава 2. Предварительное расследование. Процессуальные сроки. Процессуальные издержки). — М.: Юрайт, 2017. — 190 с. (14,73 п. л. / 2,78 п. л.).

Статьи и тезисы:

30. *Муравьев, К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) [Текст] /

К. В. Муравьев, И. Г. Рагозина // Соотношение досудебного и судебного производства: вопросы права, процесса и криминалистики : мат-лы между-вуз. науч.-практ. конф. (16 февраля 2006 г.). — Омск: Омский юридический институт, 2006. — С. 77–83 (0,35 п. л. / 0,35 п. л.).

31. *Муравьев, К. В.* Разъяснение заявителю уголовной ответственности за заведомо ложный донос [Текст] / К. В. Муравьев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. мат-лов Междунар. науч. конф. (15–16 февраля 2007 г.). — В 2 ч. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2007. — Ч. 2. — С. 178–181 (0,2 п. л.).

32. *Муравьев, К. В.* Возбуждение уголовного дела дознавателем органов внутренних дел [Текст] / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. — 2007. — № 1. — 55–60 (0,85 п. л.).

33. *Муравьев, К. В.* Уведомление о подозрении в совершении преступления [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовный процесс. — 2007. — № 11. — С. 16–21 (0,65 п. л.).

34. *Муравьев, К. В.* Возбуждение уголовного дела при выявлении признаков преступления в ходе досудебного производства [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовный процесс. — 2008. — № 8. — С. 52–57 (0,6 п. л.).

35. *Муравьев, К. В.* Возбуждение уголовного дела при выявлении признаков нового преступления в суде [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовный процесс. — 2008. — № 9. — С. 21–23 (0,4 п. л.).

36. *Муравьев, К. В.* Особый порядок привлечения к уголовному преследованию «VIP-персон» в контексте противодействия коррупции [Текст] / К. В. Муравьев // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и терроризмом в России на современном этапе : сб. мат-лов методологического семинара (г. Красноярск, 19–20 февраля 2009 г.). — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2009. — С. 117–120 (0,2 п. л.).

37. *Муравьев, К. В.* Привлечение сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел к процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях [Текст] / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. — 2009. — № 1. — С. 66–68 (0,65 п. л.).

38. *Муравьев, К. В.* Условия уведомления о подозрении в совершении преступления требуют уточнения [Текст] / К. В. Муравьев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. мат-лов XIV науч.-практ. конф. (17 февраля 2011 г.). — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2011. — Ч. 2. — С. 151–156 (0,3 п. л.).

39. *Муравьев, К. В.* Особый порядок производства дознания как один из возможных вариантов упрощения досудебного производства [Текст] / В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев, Д. А. Воронов // Законодательство и практика. — 2011. — № 2. — С. 66–68 (0,6 п. л. / 0,6 п. л.).

40. *Муравьев, К. В.* Требуется особый порядок дознания [Текст] / В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев, Д. А. Воронов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы 10-й Международ. науч.-практ. конф. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2012. — Ч. 1. — С. 113–115 (0,3 п. л. / 0,3 п. л.).

41. *Муравьев, К. В.* Недостатки уголовно-процессуальной компетенции реформированного органа в Федеральном законе «О полиции» [Текст] / К. В. Муравьев // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сентября 2011 г.) — Омск: Омская академия МВД России, 2012. — С. 103–105 (0,3 п. л.).

42. *Муравьев, К. В.* Законопроект о сокращенном дознании концептуально эклектичен [Текст] / В. В. Кальницкий, К. В. Муравьев // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (2–3 ноября 2012 г.) — Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2012. — Вып. 9. — С. 292–297 (0,5 п. л. / 0,5 п. л.).

43. *Муравьев, К. В.* Применение положений Федерального закона «О полиции» при рассмотрении сообщений о преступлениях [Текст] / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. — 2012. — № 2. — С. 39–44 (0,84 п. л.).

44. *Муравьев, К. В.* Сокращенное дознание: очерк проблем [Текст] / Д. А. Воронов, К. В. Муравьев // Вестник Барнаульского юридического института МВД России: научно-теоретический журнал. — 2013. — № 1. — С. 10–12 (0,3 п. л. / 0,3 п. л.).

45. *Муравьев, К. В.* Самооговор при производстве дознания в сокращенной форме и право на реабилитацию [Текст] / Д. А. Воронов, К. В. Муравьев // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы 11-й Международ. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. — Ч. 1. — С. 165–167 (0,4 п. л. / 0,4 п. л.).

46. *Муравьев, К. В.* Дознание в сокращенной форме: комментарий главы 32¹ УПК РФ [Текст] / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. — 2013. — № 1. — С. 15–19 (0,84 п. л.).

47. *Муравьев, К. В.* Согласие с правовой оценкой содеянного, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела, или самооговор подозреваемого при производстве дознания в сокращенной форме [Текст] / Д. А. Воронов, К. В. Муравьев // Актуальные проблемы уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : мат-лы Международ.

науч.-практ. конф. (Омск, 12 апреля 2013 г.). — Омск: Омская юридическая академия, 2013. — С. 97–103 (0,3 п. л. / 0,3 п. л.).

48. *Муравьев, К. В.* Суд как орган, исправляющий ошибки применения уголовного закона [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовный процесс. — 2013. — № 11. — С. 50–55 (0,5 п. л.).

49. *Муравьев, К. В.* Использование специальных познаний до первоначальной юридической оценки содеянного [Текст] / К. В. Муравьев // Судебная экспертиза в парадигме российской науки (к 85-летию Ю. Г. Корухова) : сб. мат-лов 54-х криминалистических чтений: в 2 ч. — М.: Академия управления МВД России, 2013. — Ч. 1. — С. 102–107 (0,34 п. л.).

50. *Муравьев, К. В.* Возвращение уголовного дела прокурору для усиления обвинения или изменение пределов судебного разбирательства в сторону ухудшения: законность и целесообразность [Текст] / К. В. Муравьев // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 ноября 2013 г.). Вып. 10: в 2 ч. — Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2013. — Ч. 2. — С. 179–184 (0,59 п. л.).

51. *Муравьев, К. В.* Устав уголовного судопроизводства по вопросу квалификации деяния в процессуальных актах [Текст] / К. В. Муравьев // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: Академия управления МВД России, 2014. — Ч. 2. — С. 101–107 (0,35 п. л.).

52. *Муравьев, К. В.* Возвращение дела прокурору для переквалификации: необходим ли особый порядок движения уголовного дела? [Текст] / К. В. Муравьев // Вестник Омской юридической академии. — 2014. — № 1. — С. 55–59 (0,33 п. л.).

53. *Муравьев, К. В.* Отражение взаимосвязи материального и процессуального уголовного закона в системе фундаментальных положений уголовно-процессуального права [Текст] / К. В. Муравьев // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Анатолия Петровича Гуляева. — М.: Московская академия экономики и права, 2014. — С. 199–208 (0,7 п. л.).

54. *Муравьев, К. В.* Обязан ли дознаватель удовлетворить ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме? [Текст] / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. — 2014. — № 2. — С. 55–57 (0,45 п. л.).

55. *Муравьев, К. В.* Право суда на изменение пределов судебного разбирательства in defavorem [Текст] / К. В. Муравьев // Научные труды Российской академии юридических наук: в 2 т. — М.: ООО «Издательство Юрист», 2014. — Т. 2. — С. 794–798 (0,32 п. л.).

56. *Муравьев, К. В.* Применение уголовного закона при производстве по делу: возможность использования подхода Устава уголовного судопроизводства в современном праве [Текст] / К. В. Муравьев // Современное уголовно-процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф. — Орел: Орловский юридический институт России им. В. В. Лукьянова, 2014. — С. 171–174 (0,3 п. л.).

57. *Муравьев, К. В.* Применение уголовного закона при производстве дознания в сокращенной форме [Текст] / К. В. Муравьев // Дознание в сокращенной форме: актуальные проблемы теории и практики : сб. мат-лов внутриведомственного «круглого стола». 22 мая 2014 г. — Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2015. — С. 38–44 (0,35 п. л.).

58. *Муравьев, К. В.* О необходимости оптимизации уголовно-процессуальной формы [Текст] / К. В. Муравьев // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: Академия управления МВД России, 2015. — Ч. 2. — 106–110 (0,27 п. л.).

59. *Муравьев, К. В.* Уголовная политика должна быть направлена на оптимизацию процессуальной формы применения уголовного закона [Текст] / К. В. Муравьев // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат-лов 20-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. — Т. 1. — С. 199–203 (0,34 п. л.).

60. *Муравьев, К. В.* Полномочия субъектов досудебного производства по применению уголовного закона [Текст] / К. В. Муравьев // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (14 мая 2015 г.) — Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2015. — С. 126–130 (0,26 п. л.).

61. *Муравьев, К. В.* Обеспечение правильного применения уголовного закона как цель оптимизации уголовного процесса [Текст] / К. В. Муравьев // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2015. — С. 138–142 (0,34 п. л.).

62. *Муравьев, К. В.* Субъекты применения уголовного закона и их полномочия [Текст] / К. В. Муравьев // Современное уголовно-процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. — С. 300–304 (0,26 п. л.).

63. *Муравьев, К. В.* Проблемы применения уголовного закона в досудебном производстве [Текст] / К. В. Муравьев // Особенности преподавания уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная практика : сб. тезисов Всерос. науч.-практ. конф., г. Рязань, 12-13 ноября 2015. — Рязань: Академия ФСИН России, 2015. — С. 142–145 (0,2 п. л.).

64. *Муравьев, К. В.* Снижение процессуальной нагрузки как условие для реформирования первоначального этапа судопроизводства [Текст] / К. В. Муравьев // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. — Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2016. — Ч. 71. — С. 188–194 (0,36 п. л.).

65. *Муравьев, К. В.* Применение мер пресечения как процессуальный этап реализации уголовной ответственности [Текст] / К. В. Муравьев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2016. — № 1. — С. 27–35 (0,45 п. л.).

66. *Муравьев, К. В.* Эффективность защиты потерпевших в контексте декриминализации [Текст] / К. В. Муравьев // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М.: Академия управления МВД России, 2016. — Ч. 2. — С. 59–65 (0,32 п. л.).

67. *Муравьев, К. В.* Меры пресечения как средства реализации уголовной ответственности [Текст] / К. В. Муравьев // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая тактика : мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. (28–29 апреля 2016 г., г. Симферополь-Алушта) — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2016. — С. 58–61 (0,36 п. л.).

68. *Муравьев, К. В.* Тяжесть преступления или суровость грозящего наказания: к вопросу об основаниях продления сроков содержания под стражей [Текст] / К. В. Муравьев // Современное уголовно-процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2016. — С. 270–273 (0,26 п. л.).

69. *Муравьев, К. В.* Обеспечение соразмерности грозящему наказанию ограничений при избрании мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы [Текст] / К. В. Муравьев // Деятельность правоохрани-

нительных органов в современных условиях : сб. мат-лов XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. — Т. 1. — С. 260–265 (0,36 п. л.).

70. *Муравьев, К. В.* Оптимизация процессуальной формы по делам частного обвинения [Текст] / К. В. Муравьев // Современное уголовно-процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2017. — С. 309–314 (0,31 п. л.).

Подписано в печать 18.12.2017

Усл. печ. л. 2,5

Тираж 150 экз.

Уч.-изд. л. 2,5

Заказ № 229

ОПиОП РИО Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7